

УДК 39

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ ОБСКИХ УГРОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МОДЕЛЬ МИРА

П. Вереш

Комплексный институт гуманитарных исследований Венгерской АН

Бинарная оппозиция «сырое–вареное» в ритуальной трапезе фратрий по имени Пор и Мось у хантов и северных манси не имеет под собой реальных культурных различий, как предполагали академик Я. Харматта и профессор Д. Ласло, не знакомые с русскоязычной специальной литературой по финно-угристике и этносемиотике. Однако в ходе изучения этимологии названия фратрии Мось и этнонима «манси» выяснилось, что дуальное фратриальное устройство обских угров все-таки возникло под влиянием этнического смешения, на основе двух разных народов – местных уральцев и пришлых угров. Во время языковой интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга роль брачного класса. Древнеугорская праформа Мось < *mańć3 – это исходный корень этнонимов не только манси, но и венгров, а именно – отглагольное существительное, имеющее финно-угорский или уральский, даже ностратический корень, семантически связанный со словами «сказать, говорить». Угорская праформа PFU *mańć3 не может быть индо-иранским заимствованием, как считали в течение ста лет, а первоначально означала «сказать, говорить» и одновременно – «сказание, сказ, сказка, миф, легенда».

К л ю ч е в ы е с л о в а : этиологический миф, ханты, манси, субстрат, ген.

P. Veres. THE ETIOLOGICAL MYTH OF OB-UGRIANS ON THE ORIGINS OF PHRATRIAL ORGANIZATION, AND THEIR WORLD MODEL

The binary opposition “raw vs. cooked” in the ritual meal in the Por and Mos phratries of the Khanty and northern Mansi peoples is not based on any actual cultural differences, as Academician J. Harmatta and Professor D. Laslo, who were unfamiliar with the specialized literature in the Russian language on Finno-Ugric and ethno-semiotic studies, used to believe. Studying the etymology of the Mos phratry name and the Mansi ethnonym it turned out however that the dual phratrerial organization of Ob-Ugrians did appear under the influence of the ethnic mixing based on two different “nations” – local Uralians and non-native Ugrians. In the course of language integration, the distinct ethnic groups turned into a marital class for each other. The Old Ugric protoform Mos < *mańć3 is the original stem of the ethnonyms of not only Mansi, but also of Hungarians, more specifically a verbal noun with the Finno-Ugric or Uralic, or even Nostratic stem that is semantically linked with the words “say, speak”. The Ugric protoform PFU *mańć3 could not have been borrowed from an Indo-Iranian source, as one had thought for a hundred years, but originally had the meaning of “say, speak” and, simultaneously, “saga, tale, myth, legend”.

Key words: etiological myth, Khanty, Mansi, substrate, gene.

Введение

Для угорского населения хантов и манси таежной зоны Западной Сибири в течение долгого времени (начиная с эпохи средневековья) была характерна известная замедленность социально-экономического развития. В силу этого многие компоненты традиционной культуры обских угров, как и их языки, содержат больше элементов архаики, чем культура остальных финно-угорских народов, живущих к Западу от Урала, т. е. в европейской лесной зоне. Поэтому традиционная культура как манси, так и близкородственных им по языку хантов может служить надежной основой для историко-этнографической реконструкции, а в ряде случаев даже отражает явления, возникшие в далеком прошлом, в ходе их этногенеза. Сюда относятся и феномены материальной культуры, свидетельствующие о хорошей приспособленности к суровому субарктическому климату, и двоичная символическая классификация, и орнаментальные комплексы, связанные элементами преемственности с искусством неолита и бронзового века, например, с так называемыми андроновскими геометрическими мотивами. Сюда же следует отнести и некоторые архаичные черты дуальной социальной организации, лучше всего сохранившиеся в Сибири именно у северных манси Зауралья, в бассейне рек Ляпина и Северная Сосьва.

Представляется, что манси, или по крайней мере некоторые черты их традиционной культуры, например, медвежий праздник, связанный изначально лишь с фратрией Пор, – это реликтовое явление, уходящее корнями в далекую финно-угорскую или даже уральскую эпоху. Важным элементом культовой атрибутики другой фратрии, Мось, является лошадь. Представление о возникшем в ходе этногенеза смешении пришлых с юга угров и местных уральцев-аборигенов отразилось в какой-то мере на дуальной общественной структуре хантов и северных манси, включающей фратрии по имени Пор и Мось. Во всяком случае, культовые изображения животных, относящихся к числу их фратриальных тотемов и символизирующих, по-видимому, верхний и нижний миры, найдены в неолите по всей Северной Евразии, в том числе в Западной Сибири. Исходя из этого, можно допустить, что архаичная общественная структура хантов и мифический герой как крылатый всадник (Мирсусне-хум – «За народом смотрящий человек»)

говорят о том, что в отличие от упомянутых архаических явлений здесь налицо этнокультурное влияние весьма развитых в культурном отношении южных угорских пришельцев, прямых потомков современных обских угров. Они имели бронзолитейное дело, хорошо знали коневодство и изобразительное искусство. Переселяясь, начиная с рубежа бронзового и железного веков, в более северные, таежные районы Западной Сибири, эти угры ассимилировали местные уральские по языку аборигенные популяции. Нынешняя этническая территория обских угров полностью входила в прошлом в восточную часть финно-угорской прародины уральских народов. Тем более что именно на Урале находился центр распространения (рефугиум) широколиственного леса и диких медоносящих пчел. По нашему мнению, именно таким образом и возникла дуальная общественная структура хантов и манси: пришлые и местные, но родственные по языку этносы в Западной Сибири во время этнического смешивания послужили друг для друга экзогамным брачным классом и позднее постепенно превратились во фратрии, называющие себя Пор и Мось.

Параллельно с этим распространялся угорский язык и среди местного уральского субстрата Зауралья. (Таким же образом возникла позже диалектная и этнографическая группа северных манси на хантыйском субстрате после 13 века н. э.) Нашу научную гипотезу о возникновении фратрий обских угров из этнического смешения в ходе их этногенеза убедительно подтверждает и лингвистический материал. Дело в том, что общий финно-угорский и тем более угорский корень хантыйского и северного мансийского фратриального названия *mōš* (pluar. *mońšet*) ~ *mońt* <PFU **mon* ~ *manu* > Proto-Ugor **mańć3* > *māńši* обозначает «говорящий». Неслучайно эту же фонетическую и семантическую закономерность можно выявить и у этнонима «манси», и у первой части самоназвания венгров *magy-* (*mad'*-). По моему мнению, как раз к этой финно-угорской этимологии относится у финнов и карелов *mana-* ~ *manaus* (~ *manata*); венгерск. *mon-d* 'сказать > сказ ~ миф'; удмурт. *mad'* 'сказка, сказ, миф'; *mad'ni* 'сказку сказать'; мари *manaś* 'крик'; юкагир. *mon-* 'сказать'. Очень интересно, что, согласно исследованию крупного российского лингвиста В. М. Иллич-Свитыча, протофинно-угорская реконструированная форма PFU **mańćэ* ~ **mańć3* имеет даже ностратическое происхождение, где *-ć3* ~ *-ćэ* ~ *-ćă* – окончание прилагательного. Это нужно принимать во внимание, так как мы имеем дело с одним из

самых древних этнонимов в мире у угорских народов, сохранившимся до сих пор. Как нам недавно удалось доказать, традиционная точка зрения Берната Мункачи (Munkácsi Bernát), когда он сравнивал в 1901 году санскритское слово Manu- ~ manu-ś> с этнонимами угров māñśi (~ mōś ~ moít'<PFU>*monu-*mañćэ, Proto-Ugor *mañć3>), magy-(ar) мадьяр (венгров), под вопросом finn mies [Setälä, 1887; Chernecov, 1939], этимологически, т. е. семантически, а также исторически, неверна. Об этом, конечно намного подробнее, я писал в диссертации, которую защитил под руководством С. А. Токарева (1899–1985) в Институте этнографии АН СССР [ср.: Patrubány, 1890; Munkácsi, 1901; TESZ, 1974; Gulya, 1996; Veres, 1974, 1979, 2009, 2012].

Также совершенно ошибочная этимологическая интерпретация у М. Бенке (Mihály Benkő) из Будапешта, когда недавно он попробовал связать этноним венгров «мадьяр» (magyar) с самым распространенным мужским именем у казахов Madiyār, которое на могильных памятниках и на стенах мечетей в Казахстане кириллицей действительно пишется как «Мадьяр», однако фонетически произносится «mad-i-yār», так как в казахском языке нет палатализованного звука: d'. Мягко говоря, венгерское самоназвание мадьяр – «magyar» по религиозным соображениям никак не может фигурировать на главных стенах мусульманских мечетей, даже если там написано «Мадьяр». Тюркологи доказали: казахское и узбекское слово «Mad-i-yār», в письменной форме обозначаемое как «Мадьяр», не имеет тюркского происхождения и, несмотря на совершенно случайное письменное совпадение с венгерским самоназванием мадьяр, имеет совершенно другую, не финно-угорскую (и не иранскую), а арабско-персидскую смешанную этимологию, явно возникшую из сокращенной формы от имени Мухаммеда, пророка исламской религии. Итак, правильно будет: Mad-i-yār > мадьяр < Muḥamed-yār. Таким образом, Мадьяр ~ Madiyār (<Muḥamed-), которое также встречается у узбеков, а -yār 'любящий' (в азербайджанском языке 'любовь'), – несомненно, персидское заимствование через арабский язык во время распространения ислама у тюркских народов [ср.: Veres-Somfai, 2009, 2012: 354; Baski, 2010].

Бинарная оппозиция «сырое–вареное» в ритуальной трапезе традиционной культуры фратрии хантов и северных манси

Из исследований Н. Л. Голдатти, Б. Мункачи, Я. Папаи, В. Н. Чернецова, В. Штейница, А. М. Золотарева, З. П. Соколовой и других из-

вестно, что общество хантов и северных манси делилось на две тотемические экзогамные группы – Пор и Мось (на южно-хантыйском диалекте Монть). В специальной литературе эти дуальные половины обычно называют фратриями. Но, не останавливаясь на вопросах терминологии о том, в какой мере помимо термина «фратрия» следует использовать также понятие «брачный класс» или специальный этнографический термин moiety (= половина), проанализируем миф, рассказывающий о формировании дуальной общественной структуры обских угров, которая к тому же в Сибири лучше всего сохранилась именно у них.

У северных манси в бассейне рек Ляпина и Сев. Сосьва еще в позапрошлом веке был обнаружен интересный этиологический миф, в котором сами обские угры пытались объяснить возникновение фратрий. «Раз богатыри, вернувшись с охоты, только расположились есть убитую дичь, как видят, что на них идет множество других богатырей; часть их испугались, бросились бежать, но, не желая расставаться с мясом, захватили его сырым – это так называемые Мось-хум или Торум сыр-хум. Другие, побуждаемые голодом, остались и начали греть котел, но не успели. Противники пришли и разбили им носы (с этой целью и приходили – хотели посмеяться). С этих пор они и стали носить имя Пор-хум. А потомство богатырей сохранило названия Мось-хум и Пор-хум».

В этой связи венгерский академик Янош Харматта (Harmatta János; 1917–2005) выдвинул весьма далеко идущее положение о том, что у обских угров фратрия Мось якобы действительно ела в свое время только сырое мясо в противовес брачному классу Пор, как об этом и говорится в мифе о происхождении дуальных фратриальных систем. К тому же Я. Харматта связывает предков брачной половины Мось с народом, жившим вблизи Средней Волги, упоминаемым в работе греческого историка Гелланика (V в. до н. э.) и фигурирующим на картах Птолемея. Этот народ в эпоху античности назывался иранцами «амодокос». Анализируя этот этноним, Харматта установил, что его хорошо можно этимологизировать из иранских языков как «поедающий сырое мясо».

Другой видный ученый из Будапешта, профессор Дюла Ласло (László Gyula; 1924–1992) развивал эти положения. Он полагал, что отголосок мифа о возникновении дуально-фратриального устройства общества у обских угров мог в какой-то мере отражать и обычаи древних венгров, и это соответствует замечанию средневекового летописца Регино (около 982 г. н. э.) о том, что венгры «едят сырое мясо

и пьют кровь». По мнению Ласло, у древних венгров, прародиной которых является Северная Азия, вполне мог сохраняться такой архаичный обычай. С другой стороны, эта информация западноевропейского летописца хорошо соотносится с представлениями о фратрии Мось. Людей, входящих в эту группу, обские угры называли иногда «сыромясным народом». Итак, Ласло выдвинул гипотезу, согласно которой традиция поедания мяса в сыром виде связана не только с этногенезом обских угров (как утверждал Харматта), но и с ранней этнической историей венгров.

Вряд ли можно игнорировать эту интересную, но мало известную в специальной литературе концепцию, касающуюся древней истории всех угорских народов, поскольку название так называемого «сыромясного народа», т. е. имя брачного класса, или фратрии, Мось северных этнографических и диалектных групп обских угров генетически связано, по общепринятому мнению лингвистов финно-угроведов, не только с этнонимом «манси», но и с первой частью самоназвания венгерского народа «мадьяр – мадуаг».

По мнению Я. Харматта, около II в. до н. э., когда в степной зоне по различным (в том числе и экологическим) причинам происходила значительная перегруппировка кочевых племен, к северу от Каспийского и Аральского морей появился иранский племенной союз даха. Входившие в союз «пориосы» жили севернее «парносов» и соприкасались, таким образом, с восточными финно-уграми. Харматта считает, что название «пориос» (древнеиран. *рагува; среднеиран. *porī, *parī, *рог, *раг) сохранилось не только у удмуртов как этноним соседнего народа мари, но и частично у обских угров. Далее Харматта утверждает: поскольку сходное с древнеиранским племенным именем даха слово Пор существует в языках и хантов, и северных манси в качестве фратриального названия, значит, упомянутые южные соседи обских угров – иранцы даха – после II в. до н. э. могли играть важную роль не только в их этногенезе, но и одновременно и в возникновении дуально-фратриальной организации у хантов и северных манси. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на то обстоятельство, что в традиционном фольклоре у них сохранилось противопоставление охотников-рыболовов Мось («сыромясным народ») якобы более развитым и культурным, но чуждым Пор («вареномясным народ»). При этом венгерский академик имеет в виду процитированный выше этиологический миф, объясняющий возникновение дуально-экзогамной системы у обских

угров. В этом квазимифе, повествующем о генезисе данной архаичной общественной структуры, члены фратрии Мось действительно называются «сыромясным народом», а люди Пор – «вареномясным народом».

Венгерский иранист Харматта полагает, что этот миф, вернее легенда, впервые записанный известным русским этнографом Н. Л. Гондатти в конце 19 века, отражает историческую действительность и свидетельствует о более высоком культурном уровне предполагаемых, но не доказанных иранских предков фратрии Пор. Однако В. Н. Чернецов (1905–1970), зафиксировавший тот же самый миф позже, в 30-е годы 20-го столетия, отмечает, что в культурно-историческом плане противопоставление эпитетов «сыромясной» и «вареномясной» по фратриям не имеет под собой никакой реальной почвы. Кроме того, по его данным, «сыромясной» относится именно к фратрии Пор, а «вареномясной» – к фратрии Мось, т. е. его материалы совершенно противоположны материалам Н. Л. Гондатти. Но даже если остановиться на варианте Гондатти, возможно толкование этой легенды, отличающееся от предложенного Харматта или Ласло, которые не имели представления не только о работах Чернецова, но также и о монографии Клода Леви-Строса под названием «Сырое и приготовленное», которую издали еще в 1964 году на французском языке. Вышеназванные венгерские ученые также не были знакомы с книгами М. З. Золотарева, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и других многочисленных известных советских авторов московско-тартуской семиотической школы, имеющей сегодня мировую известность. Поэтому профессора из Будапешта просто не знали о том, что для архаических культур вообще характерно своеобразное восприятие мира, реализуемое в так называемой его «мифологической» модели (она, по мнению специалистов по этносемиотике, свойственна также психологии раннего детского возраста и художественного творчества и имеет прямое отношение к асимметрии человеческого мозга). Ей присуща, помимо этноцентризма, двойная символическая классификация. Суть последней заключается в том, что если не все, то, как правило, самые важные явления окружающего мира, прежде всего связанные с областью сакрального, описываются с помощью противоположных понятий. Сюда относятся, в частности, дихотомические оппозиции «сырое–вареное», а также другие противопоставления, как, например: правое–левое, мужчина–женщина, тьма–свет, белое–черное, красное–синее, юг–

север, восток–запад, солнце–луна, день–ночь, четный–нечетный, хорошее–плохое, сакральное–профанное. Этим противопоставлениям соответствует система оценок, в которой членам бинарных сопоставлений присвоены отрицательные или положительные значения. Важно, что понятия, составляющие полярные пары символов, могли в оценочном плане меняться местами в зависимости от конкретной ситуации. Такая дуальная картина характерна и для мифологии обских угров. Однако ценная статья об этом В. Н. Чернецова (1939), крупного специалиста по этнографии хантов и манси, а также их лингвистике и археологии, к сожалению, не была известна Леви-Стросу, как и научная деятельность его предшественника в области семиотики и этнологии М. З. Золотарева (1907–1943). Этот ученый с мировым именем, но трагической судьбой, тоже подробно писал в своей монографии (1964) об удивительном дуализме мифологии и социального устройства угров Западной Сибири, которые являются самыми близкими родственниками венгров внутри уральской (финно-угорской) языковой семьи.

У обских угров, как и у подавляющего большинства народов с архаической культурой, правая сторона по традиции всегда соответствует мужскому, а левая – женскому началу или принципу. Это отражается в делении их жилища по признаку пола на две половины (что до последнего времени наблюдалось в юртах у евразийских кочевников и в крестьянских домах Восточной и Средней Европы). У обских угров на медвежьем празднике мужчины целуют именно правую лапу почитаемого животного, при этом мужчины сидят справа, а женщины слева от медведя. Однако в их понятиях о загробной жизни наблюдается инверсия: по «дороге, ведущей в царство мертвых» по правой стороне идут грешные, а по левой – невинные, что является зеркальным отражением ритуальной практики хантов и манси, в которой правая сторона обычно оценивается положительно, а левая – отрицательно. В мансийском языке на это, например, указывает семантика слова «правое» («хорошая» сторона), так же как у венгров «правое» этимологически обозначает «лучшее» (jó > jobb). Место жительства хороших духов находится, по их верованиям, на юге или востоке, а плохих – на севере и западе. Соответственно этому обские угры совершают жертвоприношения двух видов, сырое (кровавое) и вареное, в соответствующих направлениях.

У хантов и манси хорошо прослеживается и противопоставление, связанное с полом, – четный–нечетный, также характерное для дуальной символической классификации.

Например, при убийстве медведицы у обских угров праздник продолжается четыре дня, медведя – пять; у женщины, по представлению обских угров, четыре души, а у мужчины – пять.

Душа мертвого, после того как она покинет тело, летит в образе птицы «по пути мертвых или птиц» в северном направлении, где в устье Оби у Северного Ледовитого океана, как считали ханты и манси, находится страна мертвых. В их верованиях загробный мир соотносится с черным озером, страной змей, лягушек, рыб – с холодным краем.

Мансийский миф сохранил представление обских угров о проникновении души в страну мертвых. «В царство подземного князя Куль можно попасть через маленькое отверстие. Там, где небо соединяется с землей, находится скала с дыркой, которая семь раз покрыта рыболовной и птицеловной сетью. Здесь сидят старик и старуха, они караулят вход. Герой прилетает в виде птицы, попадает в железную сеть, крылья его ломаются, и он попадает в воду, превращаясь там в щуку. Только так, в образе рыбы, можно преодолеть это препятствие и вступить в царство мертвых». Из этого мифа хорошо видно, что сопоставление живого и мертвого выражается в парных оппозициях: воздух–вода, птица–рыба.

Примеры дихотомических противопоставлений у обских угров, куда входит и оппозиция «сырое–вареное», можно продолжить. Но здесь необходимо прежде всего подчеркнуть, что у народов, чья общественная структура имеет двойное деление, ряды положительных и отрицательных символов дуально-символической классификации обычно группируются по фратриям (по брачным классам) отдельно. Поэтому дуальные половины общества выглядят как бы соперничающими, дразнящими друг друга или даже враждующими, хотя взаимные браки в соответствии с экзогамными нормами тесно их связывают. Такая тенденция наблюдается у обских угров. В архаичной модели мира хантов и манси, как и в мировом шаманизме, можно выделить три уровня. Средний мир – это земля, где живут люди, за которыми наблюдает «Человек, смотрящий за народом» (Мир-сусне-хум) – крылатый всадник, седьмой сын Нуми-Торума, главного божества. Именно с дуалистическими мифами связана фратрия Мось. Ее тотемы – гусь, лебедь, береза. Другая фратрия – Пор, ее прапредок – Пор-нэ (женщина Пор), женский мифологический персонаж. Тотемы этой фратрии – медведь, вернее медведица, зонтичное растение роґ, кедр и лиственница. Как доказано В. Н. Чернецовым,

архаичный медвежий праздник, который у обских угров теперь является общенародным развлекательным мероприятием, первоначально существовал только у фратрии Пор, то есть у «вареномясного народа».

Не исключено, что совпадение названия брачного класса Пор у обских угров с этнонимом иранского племенного союза даха (версия Я. Харматта) может быть и случайным явлением – ведь этимология фратриального названия Пор объясняется специалистами совершенно по-разному. Например, В. Н. Чернецов связывает ее с зонтичным растением. В. Штейниц считает это слово этнонимом аборигенного населения Западной Сибири. По нашему мнению, очень важно в данном случае то, что у обских угров различается два главных вида жертвоприношения: так называемое «кровоное»: *iri* (сырое) и «бескровоное»: *por* (вареное). Последнее называется «пори» или «пури» (*pori*, *puri*). В этой связи надо обратить внимание на следующее интересное обстоятельство, а именно: в ритуалах бескровоное жертвоприношение оценивается ниже, чем кровоное. Кровоное приносится лишь в особо важных случаях, а жертвенным животным является лошадь, олень или какое-то другое. Едят мясо не только вареное, но и сырое, а также пьют парную кровь жертвы, в отличие от бескровоного жертвоприношения, где еду предварительно варят (ср.: Клод Леви-Строс. Мифологии: сырое и приготовленное. М., 2006).

В бескровных жертвоприношениях особое место занимает медведь, предполагаемый тотемический предок фратрии Пор, мясо которого едят вареным на особом медвежьем празднике. Варят медвежье мясо не женщины, а мужчины. Они получают переднюю часть туши, женщины – заднюю; женщины не могут есть голову, сердце и печень медведя. Весьма примечательно, что раньше в ритуально-религиозной жизни обских угров найдено своеобразное противопоставление по фратриям в жертвоприношениях медведя и лошади.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что фратрия обских угров Пор именуется в мифе не только «вареномясным народом», но ее наименование этимологически близко выражению «бескровоное (т. е. вареное) жертвоприношение» (*pori*, *puri*), а также близко к хантыйскому слову «пепел» (*por*), которое в свою очередь тесно связано с венгерским глаголом «варить» (*forralni*) и с отрицательным женским мифологическим персонажем Пор-нэ (женщина Пор), относящимся к нижнему миру. Из фольклорных и этносемиотических работ известно, что в мифологии разных народов имена отрицательных женских образов в каче-

стве типологического изоморфизма иногда интересным образом совпадают со словом «пепел». Не исключено, что у обских угров мы встречаемся с таким же явлением. Тем более что в мифологии обских угров, так же как у японцев, солнце принадлежит женщинам, а луна – мужчинам.

Оценивая, какая из двух фратрий в обско-угорском обществе престижней, нужно принимать во внимание то, что экзогамная группа Мось связана с верховным богом Нуми-Торумом и его сыном Мир-сусне-хумом, а не с отрицательным мифическим женским персонажем, с которым связывается группа Пор. Весьма интересна оппозиция по полам предков этих фратрий: у людей Мось, т. е. «сыромясного народа», предком считается положительный мужской персонаж – крылатый всадник «За народом смотрящий человек», а у людей брачного класса Пор, «вареномясного народа» – отрицательный женский образ Пор-нэ. Из всего этого вытекает, что хотя члены фратрии Мось назывались в мифе «сыромясным народом», однако принадлежали к верхнему миру, а фратрия Пор – «вареномясной (котельный) народ», которую академик Харматта ошибочно считает на основе этого эпитета более развитой в культурном отношении, – должна считаться скорее представителем мира нижнего.

По нашему мнению, у хантов и манси в этиологическом мифе о происхождении их дуальной фратриальной системы Пор и Мось «сыромясной народ» противопоставляется «вареномясному народу» и, по-видимому, символизирует прежде всего обрядовое различие этих дуально-тотемических экзогамных групп обских угров. Ритуальное соперничество и шутовская издевка между группами Пор и Мось (*mon* ~ *moit'*), а также противопоставление их, основанное на прозвищах «вареномясной (котельный) народ» – «сыромясной народ», соответствуют универсальной дуально-символической классификации, отражающей бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную мифическую модель мира. Эта интересная дихотомия имеет исключительно оценочный характер в культуре манси. Другими словами, можно уверенно утверждать, что противопоставление «сырое–вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров. И таким образом, не имеет под собой никаких реальных культурных различий, как ранее ошибочно предполагали в своих работах известные венгерские ученые академик Янош Харматта и профессор Дюла Ласло, не знакомые с русскоязычной специальной литературой.

Этнокультурное и генетическое влияние финно-угров на иранцев в создании космогонической дуальной мифологии и их роль в возникновении номадизма

Изучая этимологию названия фратрии Мось и тесно связанное с ним происхождение этнонима «манси», а также этимологию самоназвания венгров, мы нашли однозначное подтверждение того, что дуальное фратриальное устройство обских угров возникло все-таки, частично или полностью, именно под влиянием этнического смешения в ходе их этногенеза. В результате климатических изменений из-за интенсивного заболачивания лесостепной территории в Западной Сибири произошли крупные миграционные процессы. Вследствие этого угорская этнолингвистическая общность, куда входили общие предки обских угров и венгров, после тысячелетнего (а возможно, и более длительного) совместного проживания на юго-восточных окраинах бывшей уральской прародины финно-угров в лесостепях Западной Сибири, расформировалась на рубеже II–I тыс. до н. э. Протовенгров заставили переселиться на юг значительные экологические изменения, а именно – интенсивное заболачивание их лесостепной этнической территории Зауралья; это же заболачивание вытеснило предков обских угров на таежный север. Древние венгры во время переселения в степную зону в ходе приспособления к новым географическим условиям, под сильным экологическим давлением изобрели номадизм – кочевое скотоводство, как совершенно новый культурно-хозяйственный тип, помогающий им выжить во время ухудшающихся климатических условий. По новейшим данным ученых Леутина и Николаевой, адаптация к новым природным факторам среды связана с улучшением межполушарного переноса информации. Экстренность процессов адаптации приводит к усилению взаимодействия полушарий мозга в новых экологических условиях. В период экологических катаклизмов временно, действительно, повышается возможность реализации творческих потенциалов внутри этноса.

Надо признать, для меня явилось приятным сюрпризом неожиданное подтверждение моей концепции о возникновении кочевничества под финно-угорским культурным влиянием в книге А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной «Мифы и гены. (Глубокая историческая реконструкция)». Около 12–10 вв. до н. э. в Западной Сибирской степи и соседней аридной территории Северного Закаспия наблюдалось сильное смешение

восточных финно-угров и иранцев. Этот важный район одновременно был не только центром моноцентрического возникновения и распространения евразийского номадизма [ср.: Г. Е. Марков, 1978, 2010. С. 30], но и этнической территорией древних венгров, где начиная с 12 века до н. э. формировался их андроновский антропологический тип. Тибор Тот (1931–1991) еще в 1970 году в статье, опубликованной в московском журнале «Вопросы антропологии», доказал, что длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался в 12 в. до н. э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе Северного Каспия, между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары – Южным продолжением Урала, преимущественно на иранском андроновском субстрате. Этот последний тезис он обосновал в своей диссертации на русском языке (1978). Особенно интересным в свете концепции Г. Е. Маркова (о моноцентрическом возникновении номадизма) является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Приаралья (Миздахкан). Этот взгляд Т. Тота, поддержанный Г. Ф. Дебецем [1968], является одним из основных достижений в исследовании этногенеза венгров.

Вышеназванные российские ученые доказывают, что помимо фольклорного материала относительно архаичной дуалистической космогонической мифологии андроновцы-иранцы непосредственно заимствовали от уральцев также специальные гены (mitU7) финно-угорских народов. Коротаев и Халтурина, несомненно, сделали сенсационное открытие в 2010 году, когда установили, что финно-угры опосредованно, через иранцев даже влияли на сюжеты Библии. Так, иранские группы в степной зоне под влиянием финно-угров заимствовали около 12 века до н. э. мифогены уральской дуалистической космогонии, которой древние индоевропейцы и евреи не знали. Все это объясняется тем, что самые интенсивные этнокультурные и генетические контакты между иранцами федоровской археологической культуры с финно-уграми надежно документированы как по лингвистическим, так и по археологическим, антрополого-генетическим данным. Не говоря о фольклорном материале, который весьма убедительно реконструировал в своей докторской диссертации (1990) В. В. Напольских, финно-угровед с мировым именем. По его мнению, существование многих дуалистиче-

ских космогонических мотивов реконструируется даже для древнего периода «урало-американского» единства, существовавшего около алтайских и уральских гор в палеолитическое время, благодаря именно развитию дуалистических космогонических мифов древних уральцев. Это косвенно подтверждают новые генетические данные русских и американских ученых [ср.: Коротаяев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. Таким образом, никак нельзя исключать того, что ценные наскальные изображения на Урале были созданы далекими предками современных финно-угорских народов на территории их прародины, вблизи которой жили палеоиндейцы.

Очень важно обратить внимание на то, что московские авторы считают: дуалистическая космогония не реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, – иранцы, которые интенсивно контактировали с финно-уграми и именно благодаря им заимствовали дуалистические космогонические мифы древних уральцев [Коротаяев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. «До сих пор не найдено данных о лингвистических контактах между протоиндоевропейцами и протоуральцами, до сих пор нет оснований полагать, что арии или индоиранцы в целом исходно имели какие-либо древнейшие свидетельства присутствия дуалистических космогонических мотивов, обнаруживаемых исключительно только в ранних авестийских текстах, датируемых около 12–10 вв. до н. э.». Добавим: именно тогда, когда хронологически возникло евразийское кочевничество с коневодческим уклоном в степной зоне под этнокультурным и генетическим влиянием южных групп финно-угров. Таким образом, наиболее древние надежно установленные этнокультурные тесные контакты между иранцами и финно-угорским населением во время андроновской археологической культуры датируются конкретно рубежом II–I тысячелетия до н. э. По мнению Коротаяева и Халтуриной, в свете концепции Напольских о появлении весьма ранней «урало-американской» дуалистической космогонии никак не представляется возможным объяснить его поздними влияниями индоевропейцев, арийцев или иранцев, как раньше предполагали М. Р. Драгомонов (1892–1895), У. Холмберг (Харва) (1927–1949), О. Дэнхардт (1907–1915).

Значительно более правдоподобным представляется прямо противоположное направление этнокультурных и генетических влияний

с севера, из лесной зоны. Особенно принимая во внимание тот факт, что именно иранское по языку Федоровское население андроновской культуры находилось в наиболее интенсивном контакте с финно-уграми, обладавшими к тому времени высокоразвитой дуалистической космогонией и достигшими района формирования авестийских текстов до начала складывания авестийской традиции [Коротаяев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. Эта интересная новая концепция находит дополнительное подтверждение по генетическим данным о пространственном распределении материнской линии: mtU7, а также в этногенезе и ранней этнической истории древних угров.

В связи с этим, несомненно, надо обратить особое внимание именно на то, что венгры – единственный финно-угорский народ, переселившийся с севера на юг, в степную зону, под влиянием значительного экологического изменения, интенсивного заболачивания их лесостепной этнической территории Зауралья (черкаскульская археологическая культура 12–10 вв. до н. э.). Другими словами, южная часть древних финно-угров – далеких предков венгров – мигрировала в степь Западной Сибири на рубеже II–I тысячелетий до н. э., потом – в соседний полупустынный регион нынешнего Казахстана, где с 12 века до н. э. начинал формироваться их андроновский антропологический тип на иранском этническом субстрате (по мнению Тибора Тота; опубликовано на русском языке). Не говоря о том, что в этих аридных местах между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары в конце бронзового периода впервые возник односторонне специализированный экономико-хозяйственный тип кочевничества (номадизм) в Евразии, и, как ранее нами было доказано, несомненно, под финно-угорским этническим влиянием. Таким образом, древние венгры весьма активно участвовали в создании нового подвижного культурно-хозяйственного типа – номадизма и стали среди финно-угров единственным типичным кочевническим этносом, с которым не могли конкурировать в степи даже арийцы-иранцы, а позже и тюркские кочевники, тем более – ассимилировать их по языку и этнически. Возникает интересный вопрос: почему?

Необходимо подчеркнуть, именно этот финно-угорский народ стал изобретателем и распространителем евразийского кочевничества в степной зоне. Об этом я более подробно пишу в недавней публикации журнала «Этнографическое обозрение» Института этнологии и антропологии РАН. Не нужно забывать:

культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует выявление потенциальной креативности любого народа. Каждый этнос – осознанная коммуникационно сложная самооргани-зующаяся адаптивная система, которая спонтанно и перманентно старается приспособиться к своему окружению, повернуть ход событий в свою пользу. В этом существенную роль играет то, что функциональная асимметрия мозга является фактором, обеспечивающим адаптацию человека в новых климато-географических условиях во время ухудшения экологической обстановки, чтобы не погибнуть.

Это открытие мирового значения опубликовали В. П. Леутин и Е. Л. Николаева в совместной монографии «Функциональная асимметрия мозга». Они установили, как адаптация к природным условиям среды стимулирует креативные процессы у человека. Теория этих российских ученых, а также результаты исследований А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной об этнокультурных и антрополого-генетических контактах древних иранцев с соседними финно-уграми представляют большой интерес и для зарубежной науки. Можно сказать смело: весьма многочисленные ценные публикации таких российских исследователей по финно-угроведению и уралоистике, как Б. О. Долгих, И. Ю. Винокурова, В. Е. Владыкин, И. Н. Гемуев, А. В. Головнев, Л. Г. Громова, Н. Н. Гурина, Т. П. Девяткина, В. В. Иванов, Н. В. Лукина, Т. В. Миннихметова, Т. Л. Молотова, И. И. Муллонен, В. В. Напольских, Е. И. Ромбандеева, Н. Ф. Мокшин, А. М. Пекина, Е. В. Перевалова, Е. А. Пивнева, В. М. Повоев, Л. С. Христолюбова, Ю. А. Савватеев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, З. И. Строгальщикова, Н. В. Чикина, а также других российских авторов – красноречиво свидетельствуют о том, что многонациональная Россия не только является политически великой державой, но лидирует также и в научной области, в том числе в финно-угроведческих исследованиях. Ведь неоспорим факт, что самые важные мировые научные центры по финно-угристикой концентрируются как раз на территории России, где проживает абсолютное большинство финно-угорских и самодийских народов.

Литература

Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.

Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Вереш П. Т. Этнокультурное развитие древневенгерского этноса (до появления на современной этнической территории) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.

Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1978.

Вереш П. Т. Этногенез и ранняя этническая история венгерского народа до 895–896 гг. до н. э.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1979.

Вереш П. Т. Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров // Acta Ethnographica. Budapest, 1984.

Вереш П. Т. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 113–115.

Вереш П. Т. Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса // Acta Ethnographica. 1995.

Волкова В. С., Белкова В. А. О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. М.: Наука, 1980.

Горчаковский П. Л. Растительность Урала. М.: Наука, 1968.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.: Наука, 1952.

Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения нестратических языков: в 3-х т. М.: Наука, 1971–1974.

Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданов Ю. Ю. Русско-нганасанский словарь. СПб.: Наука, 2007.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция. М., 2010. С. 172–182.

Кеппен Ф. П. О первоначальной родине и родстве индоевропейских и угро-финских племен. СПб., 1886.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.

Кузмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008.

Левина И. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. М., 1996.

Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. М.: Наука, 2007.

Леутин В. П., Николаева Е. Л. Функциональная асимметрия мозга. М.: Наука, 2007.

Лимборская С. А., Хустундинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеомика и геногеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: МГУ, 1978.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: МГУ, 2010.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.

Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов / Ред. Л. А. Наговицын. Ижевск, 1992.

Напольских В. В. Uralic original home: history of studies // A preliminary review. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 1. Ижевск, 1995.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1968.

Потемкина Т. М., Коронкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: Наука, 1995.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.

Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) // I CIFU Будапешт-1960, I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Budapest: Akadémia Kiadó, 1963.

Benkő M. Beszámoló a 2006 nyári nyugat-szibériai kutatóútamról // Eleink Budapest.

Munkácsi B. □rja és kaukázusi elemek a magyar nyelvben. Budapest: Akadémia, 1901.

Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica 14 // Budapest, 1964.

Gulya J. A magyarok önelnevezésének eredete // Kovács László, Veszprémy László (red.), Honfoglalás és nyelvészet. Budapest: Balassa Kiadó, 1997.

Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig, 1884.

Rudenko S. I. Studien über das Nomadentum // Wehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest: Akadémia Kiadó, 1969.

Serei Ch. The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages // VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences // Tokyo, 1970.

Sokolowa S. P. Zur Frage der Entstehung der ethnografischen und territorialen Gruppen der Ob-Ugrier // Acta Ethnographica. Budapest: Akadémia Kiadó, 1977.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 7. Lieferung. DEWOS 1975. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.

Tolszov Sz. P. Az ősi Horezm. Budapest: Akadémia Kiadó, 1949. 387 s.

Tóth T. Az ősmagyar genezisének szarmatakorai etapjáról // MTA II. Oszt. Közleményei. Budapest: Akadémia Kiadó, 1969.

Veres P. A magyar népetnikai történetének vázlata // Valóság. 1972.

Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // Specimina Sibirica. Pécs: Egyetemi Nyomda, 1988. P. 47–63.

Veres P. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change. Occasional Papers in Anthropology. No. 5 / Ed. by G. Vargyas: Budapest, 1996. 198 p.

Veres P. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány–Napkút Kiadó. Ómúltunk Tára. No. 5 / Ed. by Csáji László Koppány. Budapest, 2009.

Veres P. Újabb adatok a magyar népnév eredetéhez és történeti mitológikus hátteréhez a néprajzkutatás szemszögéből // Inde aurum-inde vinum-inde salutem P.K-A. / Ed. by Bali János-Báti Anikó-Kiss Réka. Budapest, 2010.

Witsens N. Berichte über die uralischen Völker. Studia Uralo-Altica / Ed. by P. Hajdú, T. Mikola, A. Róna-Tas. VII. Szeged: Egyetemi Kiadó, 1975.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вереш Петер

ведущий научный сотрудник
Комплексный институт гуманитарных исследований
Венгерской АН
эл. почта: p.veres@upcmail.hu; veres@etnologia.mta.hu

Veresh, Peter

Research Centre for the Humanities,
Hungarian Academy of Sciences
e-mail: p.veres@upcmail.hu; veres@etnologia.mta.hu